

необходимости ни для *них*, а равно и для читателя. Вот почему, повторяем, эта «прекрасно сделанная книга» не оставляет живого впечатления, и тем это грустнее, чем прекраснее ее задача, и, так сказать, аккуратнее каждая строка пригнана к строке, страница к странице, и все составляет прекрасное, но не одушевленное целое.

В. Розанов

Автограф. Помета рукой Перцова: «Вторая рецензия».

¹ Мережковский написал статью о Пушкине специально для сборника по просьбе Перцова.

² Впервые: *Соловьев В. С.* Поэзия Ф. И. Тютчева // Вестник Европы. 1895. № 4. С. 735–752. Статья была перепечатана в «Философских течениях русской поэзии» в сокращении под заглавием «Ф. И. Тютчев».

³ Впервые: *Андреевский С. А.* Поэзия Баратынского // Андреевский С. А. Литературные чтения. СПб., 1891. С. 1–36.

⁴ Об А. В. Кольцове Перцов высказал суждения, дополнив фрагмент Мережковского о поэте из книги «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (СПб., 1893).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-166-178

© А. С. Александров

**«ИДТИ ПО САМОМУ КРАЮ ЦЕНЗУРНОГО ОБРЫВА...»:
А. В. АМФИТЕАТРОВ В ГАЗЕТЕ «РУССКАЯ ВОЛЯ»
(ПИСЬМО А. В. АМФИТЕАТРОВА К М. М. ГАККЕБУШУ
(ГОРЕЛОВУ) ОТ 27 СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА)***

Письмо известного публициста и журналиста Александра Валентиновича Амфитеатрова (1862–1938) к Михаилу Михайловичу Горелову (наст. фам. Гаккебуш; 1874–1929) относится к яркому этапу биографии литератора — периоду соредакторства (вместе М. Гореловым и Л. Андреевым) с середины декабря 1916 года новоорганизованной газеты «Русская воля».

История создания этого печатного органа затрагивалась в ряде обстоятельных работ.¹ Мы остановимся лишь на фактах, связанных непосредственно с участием в проекте Амфитеатрова, деятельность которого в «Русской воле» всесторонне не рассматривалась в отдельных изысканиях. Исследователями подробно установлены причины, по которым в разгар Первой мировой войны в ряду крупных промышленников и банкиров возникла идея создания новой газеты — требовалось усилить свое информационное влияние на общество с определенными политическими задачами, главным образом, из-за надвигающихся выборов в Государственную Думу (не состоявшихся).² За организацию этого предприятия взялся А. Д. Протопопов, крупный помещик и промышленник, член Государственной Думы от Симбирской губернии.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-10012-П: «Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX–XX веков)», <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, в ИРЛИ РАН.

¹ Подробнее о «Русской воле» см.: *Оксман Ю. Г.* «Русская воля», банки и буржуазная литература // Лит. наследство. 1932. Т. 2. С. 165–186; *Майер Л.* «Русская воля» и «Луч»: А. Д. Протопопов и Максим Горький в борьбе за буржуазную общественность накануне Февральской революции // Отечественная история. 1996. № 1. С. 29–52; Переписка [М. Горького] с А. В. Амфитеатовым / Вступ. статья Н. И. Дикушиной; публ. и комм. Ф. М. Иоффе, А. Е. Погосовой [и др.] // Лит. наследство. 1988. Т. 95. Горький и русская журналистика начала XX века: Незданная переписка. С. 31–473.

² См. об этом в показаниях А. И. Шингарева от 21 августа 1917 года (Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П. Е. Щеголева. Л., 1927. Т. 7. С. 35).

Изначально Протопопов не предполагал создание собственного печатного органа, а хотел стать компаньоном в газете «Биржевые ведомости», ведущем столичном издании начала XX века, владельцем и редактором которого был С. М. Проппер. Фактически планировалось выкупить газету и через нее проводить намеченную информационную политику. Пропперу было сделано щедрое финансовое предложение — 5 миллионов рублей — однако коллектив «Биржевых ведомостей» выступил категорически против. И. И. Ясинский, тесно связанный с изданием, в своих мемуарах вспоминал: «На совещании сотрудников, на которое был приглашен и я, предложение Протопопова было единогласно отклонено. Сотрудники заявили Пропперу, что или Протопопов, или они и что, как только он заключит условие с правительством, немедленно все должны будут заявить в других газетах, что выходят из „Биржевых ведомостей“, и каждая газета с удовольствием, разумеется, напечатает это. Проппер испугался и переговоры с Протопоповым порвал».³

Зашедшие в тупик переговоры вынудили Протопопова отказаться от своей первоначальной идеи и приступить к реализации альтернативного проекта — созданию новой газеты. Ему удалось привлечь на свою сторону М. М. Горелова (Гаккебуша) — опытного редактора «Биржевых ведомостей», который в свою очередь сумел договориться об участии в этом амбициозном проекте с верными ему сотрудниками пропперовского издания, а в качестве соредкторов подключить Л. Н. Андреева и А. В. Амфитеатрова. Введением в редакцию Амфитеатрова организаторы преследовали несколько целей: хотели придать газете «прогрессивный и даже радикальный характер», а также «с его помощью надеялись выйти на группу умеренных русских социалистов в эмиграции, к которой примыкал Г. В. Плеханов».⁴

Амфитеатров к этому времени уже 11 лет находился в эмиграции в Италии. Опальный литератор был чуть ли не «главным борцом с династией», но с началом Первой мировой войны его фельетоны приобрели национал-патриотическое звучание, за что, как отмечает А. И. Рейтблат, он получил «разрешение вернуться на родину».⁵

Такая возможность представилась в связи с проектом новой газеты, где Амфитеатрову была предложена высокая должность и блестящее финансовое обеспечение. Перед публицистом, очевидно, не стояло мучительного выбора: согласиться и вернуться или отказаться и остаться в эмиграции. Находясь все эти годы в Италии, он не терял связи с родиной, сотрудничая как с массовой периодической печатью, так и с книгоиздательствами, потому что главные читатели Амфитеатрова были в первую очередь в России. Не случайно в письме к Горелову главной причиной участия в новом предприятии он назвал «возможность создать большое и хорошее публицистическое дело с широкой и внимательной аудиторией», которой ему «не достает 15 лет».

Приглашение в «Русскую волю» получил целый ряд известных литераторов, но многие, узнав о том, кто стоит за изданием, предпочли уклониться от участия в этом предприятии, среди них М. Горький, Г. В. Плеханов, А. А. Блок, В. Г. Короленко, Е. Н. Чириков, И. С. Шмелев и др. Наиболее скандальным был отказ Короленко, который прояснил в печати мотивы своего решения.⁶

Этот инцидент стал одной из тем обсуждения в письме, а сам скандал Амфитеатров посчитал «самым неприятным и опасным из всех полемических предисловий к новой газете». Ситуация послужила поводом для Амфитеатрова написать Горелову

³ Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 568.

⁴ Майер Л. «Русская воля» и «Луч». С. 35.

⁵ В статье А. И. Рейтבלата «Фельетонист в роли мемуариста» отмечено: «Стоило начаться войне, как выяснилось, что в основе мировоззрения Амфитеатрова — государственнические и националистические взгляды. Он пишет антинемецкие статьи, призывает забыть все разногласия и единодушно встать на защиту отечества» (Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. И. Рейтבלата. М., 2004. Т. 1. С. 16).

⁶ Короленко В. Г. Старые традиции и новый орган // Русские записки. 1916. № 8. С. 249–256. С открытым письмом-отказом выступил также Горький в газете «День» (1916. 6 авг. № 214), см.: Горький М. Полн. собр. соч. и писем. Письма: В 24 т. М., 2006. Т. 12. С. 58.

о своем видении кадрового состава будущего печатного органа, и основную часть своего обращения он посвятил именно этому вопросу. И здесь публицист, нужно отдать ему должное, проявил блестящее знание и тонкое видение всего информационного поля России, сложившегося к сентябрю 1916 года. Так, Амфитеатров предложил пригласить в издание только что вернувшегося из Италии в Россию после 10 лет эмиграции М. А. Ильина-Осоргина, сотрудника «Русских ведомостей», и В. В. Князева, журналиста и поэта, публиковавшегося в сатирических журналах. Отметил «злободневного хроникера» «Киевской мысли» Н. И. Иванова. Положительно отозвался о А. Ренникове (наст. имя и фам. Андрей Митрофанович Селитренников), фельетонисте «Нового времени» и главном редакторе журнала «Лукоморье» (до № 18), сопоставив его с В. М. Дорошевичем и обрисовав стратегию его вовлечения в издание.

Круг участников газеты был обнародован в первом номере, помимо редакторов, среди авторов были обозначены: «С. А. Адрианов, В. Азов, Г. А. Алексинский, Н. П. Ашешов, проф. М. И. Боголепов, проф. Н. А. Гредескул, проф. <Э. Д.> Гримм, А. И. Куприн, В. В. Муйжель, В. Г. Тан <-Богораз>, проф. М. П. Чубинский, Гюстав Эрвэ».⁷

Значительную часть письма Амфитеатров уделил изложению идеологической платформы будущего издания: в газете следует «наметить твердую политическую линию левее кадетской, но чуждую радикального сантиментально-сенсационного вопля, а очень спокойную и положительную, с вескостью фактических аргументов, а не истерических фраз». Здесь же публицист пишет и о содержательной стороне материалов газеты, считая, что авторы «должны идти по самому краю цензурного обрыва, но так, чтобы в него не валиться».

С первых же выпусков Амфитеатров ярко заявил о своем возвращении на родину: дебютный номер «Русской воли» вышел практически накануне Февральской революции — 15 декабря 1916 года. В нем был помещен фельетон, содержащий резко негативные высказывания в адрес А. Д. Протопопова.⁸ Сделано это было отчасти для того, чтобы отмежеваться от связи с «одиозным политиком»,⁹ ставшим с 16 сентября 1916 года управляющим Министерством внутренних дел, а с 20 декабря занявшим пост министра. Во втором номере был опубликован сатирический цикл баллад «Министерские мелодии».¹⁰

И. Ясинский, сохранявший на протяжении многих лет теплые отношения с Л. Андреевым, редактировавшим «Русскую волю» бок о бок с Амфитеатровым, о первых выпусках нового печатного органа отозвался так: «Фельетоны Амфитеатрова дурного тона. Известность Амфитеатрова покоится не на тех основаниях, на каких создалась Ваша слава. Он остался верен себе и в „Русской воле“. По-моему, совсем не надо было ему трогать Протопопова. Просто ограничиться надо было, что Протопопов со дня назначения министром в газете не принимает никакого участия, а поднес ему икону

⁷ См.: Русская воля. 1916. 15 дек. № 1. С. 3.

⁸ Ср.: «Имя А. Д. Протопопова, случайно связанное с первыми проектами и начинаниями той безвинной газеты, которая впоследствии — и уже много после того, как всякая связь между нею и г. Протопоповым была порвана, — получила, по моему предложению, имя „Русской воли“, принесло этой газете столько незаслуженных оскорблений, зла, горя, клевет и всяческого в чужом пиру похмелья, что, именно по этой слишком изобильно накопившейся горечи, я не хочу останавливаться подробно на актах деятельности г. Протопопова, которую нельзя определить иначе, как бурным самоуничтожением» (*Амфитеатров А. В. Этюды // Там же. С. 4–6*). Ясинский считал, что публикация этой статьи была согласована с Протопоповым, ср.: «С Протопоповым связался Амфитеатров и пошел в компанию к нему Леонид Андреев. Хотя, с разрешения Протопопова, Амфитеатров напечатал в „Русской воле“ статью, в которой не особенно одобрительно отзывался о своем же хозяине, тем не менее на газету легла уже тень, какая вообще ложится на официозные органы» (*Ясинский И. И. Роман моей жизни. Т. 1. С. 568*).

⁹ Об отношении интеллигенции к Протопопову см.: *Спивак М. Л. Последний царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов в политической публицистике А. А. Блока и его современников // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8 (17). С. 102–118.*

¹⁰ См.: Русская воля. 1916. 16 дек. № 2. С. 2.

Горелов не как редактор, а как личный друг. А то ведь вышло неловко: Протопопов устроил газету, а его изругали. Стихи с „дураками“ неприличны. Яд должен быть тоньше. Это ведь не „Маленькая газета“ Евгения Венского. Точно так же в передовой газете неприлично было заявлять во всеуслышание о своей набожности».¹¹

Цикл баллад Амфитеатрова мгновенно попал в фокус внимания контролирующих органов (в том числе военной цензуры, действовавшей в военное время в условиях мирового противостояния). Сохранившиеся документы Канцелярии Главного управления по делам печати свидетельствуют, что названная публикация стала причиной совещания военных цензоров при Петроградском комитете по делам печати от 16 декабря.¹² Результатом явился Приказ от 22 декабря 1916 года, согласно которому было решено «подвергнуть газету „Русская воля“ предварительной цензуре в полном объеме».¹³

После скандальных первых номеров Амфитеатров возвратился к старому приему — «эзопову языку»: в его «Персидских сказках» был выведен «весьма прозрачно <...> петроградский административный уклад», а Протопопов завуалированно изображен «бешеным душевнобольным».¹⁴ В мае 1918 года в фельетоне, посвященном условиям печати после Октябрьской революции, Амфитеатров так вспоминал начало работы в «Русской воле»: «Время это, адабаше-хабало-протопоповское, каждый здравствующий журналист вспоминает как самое тяжкое для русской печати. С пишущими эти строки тогда произошла такая история. Задушенный тяжкими лапами протопоповских цензоров, лишенный возможности говорить прямым языком о безобразиях, которыми ужаснула меня, только что вернувшегося на родину после многолетней разлуки, царская Россия, я бросился (со скрежетом зубочным) в старую привычную область эзопова иносказания. В ответ на протопоповские бичи и скорпионы я напечатал как „корреспонденцию из Тегерана“ „Персидские письма“. <...> „Персидские письма“ были не замечены, ибо их приняли за настоящую корреспонденцию из Тегерана. Но уже по второму письму публика раскусила, в чем соль, и бросилась на первое. Протопопов пришел в неопишущую ярость. Однако даже он не рискнул „расписаться“. И после разных неистовств чрез частных посредников, и косвенных придинок, и репрессий чрез несчастных безграмотных цензоров предпочел проглотить обиду, расшифрование которой сделало бы его всероссийски смешным...».¹⁵

Среди материалов Канцелярии Главного управления по делам печати сохранился уникальный документ — докладная записка, касающаяся содержания нескольких публикаций из «Русской воли», приведем выдержки из него: «При систематическом наблюдении за левой и оппозиционной периодической прессой за последнее время обращает на себя внимание то обстоятельство, что органы этой прессы, кроме деловых и серьезных статей, заполнены и другим, на первый взгляд, как бы второстепенным, материалом, но в действительности крайне тенденциозным, а иногда даже преступным. Так, в № 21 (22 января) газеты „Русская воля“ „На местах“, т. е. в отделе обычных провинциальных известий, в корреспонденции „Обилие зверей“, сообщающей об изобилии в Ново-Николаевском хуторе Саратовской губернии зайцев, лисиц и волков, скрыт политический пасквиль, ибо под этим хутором вполне, по аналогии с Августейшим

¹¹ Об этом см.: Переписка Л. Н. Андреева и И. И. Ясинского / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. С. Александрова // Русская литература. 2021. № 3. С. 82 (письмо Ясинского к Л. Андрееву от середины декабря 1916 года).

¹² Ср.: «Совещание гг. военных цензоров при Петроградском комитете по делам печати от 16-го декабря сего года, заслушав доклад о помещенном в № 2 газеты „Русская воля“, от 16 декабря, стихотворении под заглавием: „Министерские мелодии“, постановило: ввиду нарушения п. I Обязательного постановления Петроградского градоначальника от 8-го декабря сего года, представить на распоряжение Вашего Превосходительства» (РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 2328. Л. 6; докладная записка, направленная председателю Петроградской военно-цензурной комиссии, от 17 декабря 1916 года).

¹³ См. приказ за подписью генерал-майора М. А. Адабаша (председателя Военно-цензурной комиссии при штабе Петроградского военного округа) от 22 декабря 1916 года: Там же. Л. 11.

¹⁴ Амфитеатров А. В. Публицистика 1917–1918 годов / Вступ. статья А. С. Александрова; сост., подг. текста и прим. А. С. Александрова, Э. К. Александровой. СПб., 2022. С. 288.

¹⁵ Там же. С. 286–287.

Именем Державного Хозяина, можно разуместь Россию, ставшую для возвратившегося вновь из эмиграции сотрудника газеты известного пасквилянта Амфитеатрова „новой“: в словах корреспонденции „зайцы попадают на матерые, большие, чуть ли не с верблюда“, отсюда и поговорка — заяц беги, не то покуют под верблюда, можно видеть перефразировку улично-радикального анекдота — „арестуют тебя как верблюда, а потом доказывай, что ты не верблюд, а заяц“; далее „Лисицы в мохнатой шерсти... путают петли, исповедывают“ — намек на духовенство; „волки особенно жадные собирают реквизиции с баранов, презирая таксы“; „волки почти голубые“ очевидный намек на цвет мундира коргуса Жандармов; „эти особенно свирепы. Делают набеги по ночам“ — несомненно обыски по политическим делам. Применение терминов: исповедуют, реквизиции, таксы — делают намеки слишком памятные даже для самых непредубежденных читателей. „Медведи... в берлогах, как заседатели“ — глумление над низшими чинами полиции в Сибири. „Крысы... с погибающего корабля“ — избитая политическая фраза для пресловутого левого лозунга о разложении государственного строя. „Пришли в возбуждение сибирские коты... они в моде, их покупают за очень хорошую цену и отправляют в столицу“ — очевидно относится к недавно погибшему уроженцу Сибири. Фраза „небывалое обилие зверей объясняется отсутствием охотников, которые временно на фронте, а также недостатком пороха в дробь у населения“ — несомненный призыв к вооруженным выступлениям; заканчивающая статью пародия известного выражения Тараса Бульбы: „есть еще порох в пороховницах“ — прямая угроза. В том же номере „Русской воли“ в юмористическом фельетоне „Брызги пера“ помещен особенно пошлый выпад против г. Министра внутренних дел в стихотворении „Где зарыта собака“, издаваемомся над семейной невзгодой (болезнь внучки) Его Высокопревосходительства; далее там же прозрачное сожаление, что бюджетные прения в Государственной думе не сопроваждались вождленным скандалом; наконец характерен обмен телеграммами: „Москва. Ну-с“. „Петроград. Трус... А вы-с.“ „Москва. Увы-с“». ¹⁶

Показательно, что цензор в аналитическом отчете, уделив значительное внимание почти рядовым материалам, проглядел куда более серьезную публикацию — фельетон Амфитеатрова из цикла «Этюды». Эта заметка оказалась криптограммой — из первых букв каждого слова этой статьи получается связный текст: «Решительно ни о чем писать нельзя. Предварительная цензура безобразничает чудовищно. Положение плачевнее, нежели тридцать лет назад. Мне недавно зачеркнули анекдот, коим я начинал свою карьеру фельетониста, марают даже басни Крылова. Куда еще дальше идти. Извиняюсь, читатели, что с седою головою приходится прибегать к подобному средству общения с вами, но что поделаешь. Узник в тюрьме пишет, где и в чем может, не заботясь об орфографии. Протопопов заковал нашу печать в колодки; более усердного холопа реакция еще не создавала. Страшно и подумать, куда он ведет страну. Его власть — безумная провокация революционного урагана»». ¹⁷

Фактически Амфитеатров был верен своей изначальной программе держаться на «краю цензурного обрыва». Однако появление в условиях военного положения рокового фельетона «Этюды», содержащего «недопустимый текст», было признано поступком «преступным и заслуживающим законного преследования». ¹⁸ За эту публикацию Амфитеатров был сослан в Сибирь, однако в ходе этапирования к месту ссылки в Ярославле его застигло известие о Февральской революции, приведшей к свержению монархии и созданию Временного правительства. Вернувшись в Петербург, он приветствовал революцию словами: «Душа рычит от радости». ¹⁹ В этот период Амфитеатров в гуще общественной и журналистской жизни столицы: возвратился к работе в газете

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 2328. Л. 46–48. В докладной записке речь идет о материалах: Обилие зверей // Русская воля. 1917. 22 янв. № 21. С. 7 (без подп.); в рубрике «На местах»; Селли. Брызги пера // Там же. С. 3 (в рубрике «Меленький фельетон»).

¹⁷ Амфитеатров А. В. Этюды: VI // Там же. С. 2.

¹⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 10. Ед. хр. 2328. Л. 19–19 об. (докладная записка председателю Петроградского комитета по делам печати М. А. Адабашу от Н. Левитского от 24 января 1917 года).

¹⁹ См. его реплику в интервью: Тун [Боцяновский В. Ф.]. Душа рычит // Петроградский листок. 1917. 6 марта. Экстренный выпуск. С. 1.

«Русская воля», правда, ненадолго — из-за конфликта с членами редакции отошел со скандалом от дел.

Письмо к Горелову публикуется по черновику из архива Амфитеатрова: РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Ед. хр. 60. На письме помета красным карандашом рукой Амфитеатрова: «М. М. Горелову. План „Русской воли“». Орфография и пунктуация приведены к современной норме, опечатки исправлены без оговорок.

Roma. 1916. IX. 27

Многоуважаемый Михаил Михайлович,

Во-первых, большое спасибо за Ваши любезные телеграммы. Во-вторых, хочу поговорить с Вами о предстоящих совместных делах и работах по новой газете.

Вчера я отправил А. Д. Протопопову большое письмо, в котором изложил свой отрицательный взгляд на название газеты¹ и спешку с ее выходом. Если А. Д. <Протопопов. — А. А.> в Петрограде уже, то, чтобы мне не повторять весьма длинного доказательства, возьмите у него мое письмо: в нем нет никаких секретов от редакции, — членами которой я покуда понимаю Вас, Андреева, Гримма, Адрианова.²

Деньги (15992 лиры) я своевременно получил, спасибо. Дела все здешние уже устроены и если бы не паспортная задержка, то я мог бы выехать. Но из Петрограда ни слуха ни духа. Здешнее посольство готово оказать все любезности, от него зависящие, но ни из Министерства внутренних дел, ни из Канцелярии градоначальника нет никаких распоряжений, а без этого все посольские любезности ни к чему, ибо без сказанных распоряжений даже наилучший паспорт для нашего брата есть не иное что, как свободный пропуск в ров львиный, а на сие я, хотя имею сына Даниила,³ никак не согласен. Потому тормозите власти предержавшие, елико возможно, чтобы хоть к концу русского октября попасть мне в Петроград, а то ведь, право, не сообразишься, даже при условии, что начнем выход 15 ноября. Раньше я почитаю непрактичным и даже просто невозможным, а по-настоящему говоря, следовало бы отложить выход до Рождества (дебютировав блестящим рождественским №) или нового года. Конец же 1916 г. употребить на широчайшую рекламу в виде обстоятельных проспектов газеты с подробною ее программю, начав рассылку этих проспектов, скажем, с второй половины октября (когда я все-таки рассчитываю быть уже в Петрограде) и направив их сперва по длиннейшему радиусу российского круга (Владивосток, Ташкент, Карс⁴ etc.) и затем сокращая оный с каждым днем так, чтобы к половине ноября не осталось уголка, в котором бы о газете не знали и ее не ждали. За раннее начало газеты я не вижу других данных, кроме желанья сохранить подписной сезон, но отношусь к этой идее весьма скептически. Большой годовой подписки мы на 1917 год все равно иметь не будем, а та, которую будем иметь, придет и в декабре, январе, феврале.

При компромиссе начать газету 15 ноября — 1 декабря мы даже и в этом отношении риска не имеем. Между тем более позднее начало газеты, во-первых, хорошее противоядие против газетного лая, который сейчас ей прेमного напакостил: конкурирующие шавки или устанут брехать и замолчат, или так надоедят читателям, что их перестанут слушать, как заведомый пустолой.⁵ Во-вторых, отсрочка необходима для правильного сформулирования редакции. Тот наспех нахватанный сотрудиический состав, который сообщен мне Адриановым, никуда не годится безотносительно к способностям и дарованиям приглашенных, а просто по его простоте, не дающей газете лица, оставляющей ее без ясно выраженного символа ее направления и основной идеи. Метод коммерческого издания, вроде «Биржевых ведомостей», для нас хорош только в информационной части газеты: здесь мы прямо должны его усвоить, ему подражать, создав информацию такую же богатую, как у «Русского слова», но более систематическую и удобочитаемую, без московско-американской перегруженности, весьма смаживающей на азиатский хаос. Но та неразборчивая система и скопление «имен», которые «Б<иржевые> в<едомости>» делали козырем своей игры,⁶ для нас безусловно

не годятся. Газета должна получить физиономию вполне определенную, ярко выраженную, без всяких противоречий, без возбуждения в публике сомнения, «в каких <так!> она смыслах изволит быть». Максим Горький мой ближайший друг, которого я сердечно люблю и уважаю, но разве мыслимо было приглашать его, редактора заведомо пораженческой «Летописи»,⁷ в газету, руководить которой Вы приглашаете меня, а несколькими важными отделами в ней будет заведовать Леонид Андреев, и, следовательно, орган наш предполагается интервентистским безусловно? М. Горький прислал мне телеграмму, что он не принимает участия в газете, вероятно думая меня предостеречь,⁸ между тем я именно только после телеграммы и начал серьезно размышлять о начинании Протопопова как деле, мне подходящем, потому что раньше совмещение Горького с Андреевым (особенно после письма этого второго) сбивало меня с толка, давая картину программы, безразличной к основному политическому вопросу времени. В конце концов стремление окружиться именами ничего нам не дало, кроме неприятнейшего скандала с Короленкою и тем же Горьким,⁹ на почве которого конкурирующие газеты нашли весьма твердые точки опоры для нападения, и нельзя не согласиться с прискорбием, что встретили отпор чрезвычайно слабый и неубедительный. И зачем только понадобился Короленко-то, который никогда газетным человеком не был и быть не может? А между тем его протест — самое неприятное и опасное из всех полемических предисловий к новой газете. Ну и, конечно, сняв голову, по волосам не плачут, однако эти плачевные прецеденты особенно строго подчеркивают необходимость для нас железной последовательности в выборе людей и движении идей. Заведующие отделами у нас сложились хорошо (Боголепова¹⁰ не знаю, но Адрианов говорит о нем восторженно, и то, что он говорит, мне очень по душе), и слава Богу. Пока на том и остановимся, чтобы не обрасти ненужною публикою, которая льнет к каждому возникшему ежедневному изданию (особенно с большими средствами) и которую потом очень трудно и дорого будет сбывать с рук, а сбывать будет необходимо, потому что 1) сами человеки эти, обыкновенно, давно набили читателю злейшую оскомину 2) превратятся в нечто вроде профессиональной литературной бюрократии, не дают места притоку новых сил, на который я уповаю и рассчитываю весьма, так как без него, со старьем одним, не стоит и дела начинать: все будет то же самое переливание из пустого в порожнее, что в «Речах», «Днях», «Биржевке». Нужна талантливая живая молодежь с новыми живыми словами, по-молодому, с соком сказанными. Вот как поеду по провинции, то буду ловить эту рыбу всюду, где замечу. Хорошо было бы взять из «Рус<ских> вед<омостей>» М. А. Ильина-Осоргина¹¹ и посадить его на московский фельетон. Если бы можно было оборудовать этот ангажемент немедля, было бы пречудесно, но я отсюда не решаюсь писать в Россию, не зная настроений, гонимых возможностей и т. д. Попробуйте-ка! Вот тоже в «Киевской мысли» вижу я иногда недурного очень злободневного хроникера — куда прытее петроградских! — который подписывается Николаем Ивановым.¹² Если удастся осуществить мою мысль областных фельетонов (Адрианов Вам расскажет), то его весьма положительно будет увести. Что делает В. Князев?¹³ Исписался уже или еще годится? Начинал как очень способный малый. Ну да это все до скорого свидания.

Недавно в «Моск<овских> вед<омостях>» была очень ехидная, но весьма неглупая статья,¹⁴ издававшаяся над конкурентским походом против Протопоповской газеты в том смысле, что, мол, если бы мы, правые, волновались, так это было бы естественно, а вы-то что? Испугались, что вас перелибералит? Не собираясь никого перелибераливать, мы, однако, должны наметить твердую политическую линию, левее кадетской, но чуждую радикального сантиментально-сенсационного вопля, а очень спокойную и положительную, с вескостью фактических аргументов, а не истерических фраз. Должны идти по самому краю цензурного обрыва, но так, чтобы в него не валиться. Идти так, чтобы — до известных точек — нам было по дороге со всеми передовыми группировками русского общества, содействуя каждой из них, пока разум и опыт позволяют, и обгоняя их или отставая от них, когда их ход коснеет или совершает прыжки, вопреки логике и жизни. Плеханов, напр<имер>, прекрасно понял, что, сходясь с ним, мы вовсе не принимаем обязательства его социал-демократической

программы, но, — говорит он, — в вопросах войны, отечества и т. д. нам по дороге, и я пойду с вами. Первая статья его будет носить название «О любви к отечеству и народной гордости»¹⁵ и обещает быть великолепной. Но это — для стен редакции, не далее, пока Адрианов не известит меня и Вас о своих переговорах с группою «Призыва».¹⁶ Sem Benelli¹⁷ дает нам свои стихи и военные очерки. Масарик¹⁸ тоже у нас. С Giornale d'Italia я столковался, чтобы Фомину давались гранки газеты и вообще все нужные для телеграмм сведения.¹⁹

Я очень рад, что управление делом будет в руках такого опытного практика и техника газетного искусства, как Вы, и, значит, мне придется лишь блюсти общественно-политической строй газеты, в котором, уповаю, столкновений для нас не предстоит: по крайней мере, Адрианов, хорошо Вас знающий и очень тепло о Вас говорящий, за то ручается. Знаю и сам, что Вы человек чрезвычайно энергичный и добрый, здравомыслящий, с большим жизненным опытом, а эти качества всегда привлекают мои симпатии: единственное, кажется, чего я совершенно не выношу, это совместной работы с мямлями, лентяями и тупицами в теоретических шорах. Хорошо столковавшись и поверив друг другу, можем сделать много полезного и своевременного. Столкноваться же и приходиться к соглашению с умными людьми я умел в старину, полагаю, что не потерял этой способности и по сие время. Равно как и склонности к доверию. Так что уж позвольте мне всегда быть с Вами совершенно откровенным и прямодушным, без опасения, что слова мои будут встречены настороженностью ложного самолюбия, и будьте уверены, что с моей стороны Вы увидите то же самое отношение к вашим возможным указаниям и советам.

Надеюсь, что поэтому Вы не возьмете в дурную сторону моих слов о необходимости отгородить новую газету от кое-каких наследий «Биржевых ведомостей». Как я уже сказал, Вы вели их отлично и достигли блистательного успеха в смысле тиража и известности газеты. Но сенсационный характер их принуждал эту газету к пользованию некоторыми орудиями, которые невообразимы в органе с серьезными политическими задачами. Господа Гессен, Клячко, Ренников и К^о²⁰ весьма ловко использовали эту необходимость, чтобы сцепить начинающую газету с именем Стембо.²¹ О сударе этом, ныне ликвидированном рубинштейновской историей,²² я имею понятие издавна как о проходимце довольно мелкого типа. Однако отличие его от других мелких проходимцев, ютившихся после 1907 года вокруг биржевого, театрального и спортивного репортажа ходких петроградских газет, заключается едва ли не только в том, что он имел несчастье уже попасть с поличным, а другим это несчастье еще предстоит. И вот уже очень хотел бы предохранить новую газету от проникновения в нее сих назревающих фруктов прокурорской оранжереи. Поэтому необходимо особенно строгое и внимательное отношение к выбору лиц, которые должны стоять во главе отделов: 1) городского репортажа и в особенности в областях городского хозяйства и самоуправления, 2) биржевого, 3) спортивного, — с соответственным им репортажем. Отдел театральный берет на себя Л. Н. Андреев, но, конечно, за репортажем он следить не захочет, да и странно было бы взваливать на поэта такую сложную черную работу. Я думаю, что хорошо было бы нам, по возможности, отделиться от циркулярного репортажа нынешних дней и сложить свой собственный — опять-таки из новых людей, еще не развращенных петроградскими знакомствами и соблазнами в области своих «ведомств». Провинция (особенно восточная, с Поволжьем и Закавказьем) в этом случае могла бы отчасти быть источником репортеров, в технике дела своего уже достаточно наметанных, но не испорченных во вкусе Стембо и К^о. Только ради Бога не Одесса, не Ростов-на-Дону, не Кишинев, не юго-западные города! Надо сделать так, чтобы этому последнему было невыгодно проникать в нашу газету, а для сего надо изгнать из хроники всякий след профессиональной рекламы, которая сейчас свирепствует во всех без исключения петроградских газетах, усердно помещающих в тексте своем материал, который по существу может попасть в газету только в качестве «стороннего сообщения». Да, обыкновенно это и есть «стороннее сообщение», исходящее прямо от заинтересованных лиц, с тою лишь разницей, что прежде они сдавали свои «сторонние сообщения» в контору по тарифу объявлений, а теперь сдаются репортерам черт их знает

по каким соглашениям, рука руку моющим, но не вымывающим. В некоторые области репортажа эти взаимонежности рекламистов с рекламирующими внесли разложение, граничащее с позорным развратом тех и других, да и читающей публики. Напр<имер>, в театре и спорте я, откровенно говоря, кроме «Русс<ких> вед<омостей>» не вижу газеты, которая в сказанном отношении была бы прилична, а кроме — увы! — «Нов<ого> вр<емени>», такой, которая, по крайней мере, умела бы сохранить вид приличия. Но об этом я буду подробно писать Леониду Николаевичу <Андрееву. — А. А.> и надеюсь, что мы втроем — Вы, я, он — осилим это зло, не допустим его в свой орган, а глядя на нас, другие образумятся понемножку. Хорошо знаю, что многие защищают эту свалку оповещений о ложных (по существу) интересах спортсменов, актеров, биржевиков и пр. потребностью газеты в живом репортаже. Но это ошибка, оптический обман. Живой репортаж заключается вовсе не в том, что «Ф. И. Шалапин купил новое имение», «М. М. Арцыбашев думает писать новую пьесу», «актриса NN намерена гастролировать так-то и там-то» и пр., но в литературности репортера. Слово это странно звучит в наше время, когда большинство репортеров почти безграмотны и излагают свои сообщения таким языком (тот же Клячко), что покойным Кирпичникову и Гилярову²³ приходится непрестанно вращаться в гробах своих. А между тем это так. И я в полной мере понимаю тактику английских газет, которые за быстрое, яркое, сочное изображение факта платят репортеру иной раз дороже, чем литературной знаменитости, но не только ни копейки не платил бы за рекламный репортаж, а и даром не помещал бы его, так как он, в случае дарового предложения, наверное, оплачен деньгами ли, натурой ли, просто ли приятельством и пр. С этим надо покончить решительно и всенепременно, и я думаю, что, возвысив гонорар репортерский при собственном повышении требований, мы этого добьемся.

Весь секрет успеха политической газеты — в ее прямоте, искренности, в твердом убеждении публики, что ее нельзя ни купить, ни улестить, и в строгом единстве и стройности ее построения. Моя бедная покойница «Россия»²⁴ имела множество пробелов и недостатков, почти непоправимых по ограниченности издательских средств и тайным каверзам ответственного редактора, бывшего в стачке с Главным управлением по делам печати.²⁵ Но исчисленные мною качества были ей присущи в высокой степени. Возьмите любой № ее первого года, и он прозвучит стройным аккордом, может быть, слабым, но ясным и одинаковым во всех отделах газеты от передовой статьи до репортажа включительно. Я не пропускал в «Россию» буквально ни единой заметки прежде, чем она не принимала печати нашей газеты, не стесняясь в этом случае ни счетом с «именами», ни издательскими соображениями, ни цензурными драмами, которым вторил Сазонов.²⁶ В результате мы вышли победителями из неравной борьбы с великолепной организацией и информацией «Нов<ого> вр<емени>», до которых нам было далеко как до звезд небесных, и оказалась нам просто смешна конкуренция разных тогдашних «Новостей», «Северного курьера», «Сына отечества», которые стремились задушить нас всякою руганью и клеветой, а того больше перешибить нас красным радикализмом (в то же время фискаля на нас в Гл<авное> упр<авление> по делам печати). К роковому 12 января 1902 года²⁷ мы имели 42 000 подписчиков, что по тогдашним временам равнялось нынешним 200 000, если не больше. Конечно, симпатии общества к некоторым участникам газеты (Дорошевич,²⁸ я) играли в этом росте известную роль, но, положи руку на сердце, говорю: все-таки роль второстепенную. Главным магнитом была твердая определенность газеты — уверенность публики, что весь ее коллектив сливается в единстве мысли, что газета всегда говорит то, что думает, а думы ее — сознанные, прочувствованные и хорошо отлитые в яркую словесную форму. Моя главная работа в «России» была не там, где подписаны мой псевдоним или фамилия, но — вот Дорошевич, бывало, отсутствуя из Петрограда, узнавал по номерам «России», в которых не было ни одной моей строки, нахожусь я в Петрограде или нет. И эту ясность редакторской окраски очень хотелось бы мне осуществить и теперь для нового издания, и, авось, не окажусь для того стар.

Хорошо было бы достать нам своего Дорошевича — не нынешнего, конечно, который избарствовался, болеет и с важным видом пережевывает вопросы, до высоты

коих ни одному из смертных не добраться, а ему самому решительно нет никаких дел, что и сказывается в холоде либо неприятном ложном пафосе письма. А прежнего Дорошевича, которого я выписал из Одессы и отправил на дело Скитских,²⁹ который горел огнем для успеха и завоевания столицы и любил свое дело как сорок тысяч братьев любить не могут. Но где его взять? Единственный за все время человек, подходящий на его роль, которого я за эти последние годы заприметил в печати, захвачен «Новым временем» и испакощен с такою быстротою и основательностью, что сейчас о нем, конечно, и речи быть не может. Я говорю о Ренникове.³⁰ А вот нельзя ли его как-нибудь отмыть для будущего-то? Например, отправив его за границу на хороших условиях с тем, чтобы несколько месяцев он совсем не писал бы, потом с полгодика писал бы под псевдонимом и установил бы добрую репутацию и авторитет последнего, а затем — пожалуйте обратно на родину, где тогда можно снять и маску. Оговорюсь, что о Ренникове, как личности, я не имею ни малейшего понятия и сказанное мною сейчас относится только к его несомненному публицистическому таланту, которого жаль очень. Он много шире рамок «Н<ового> вр<емени>» и, помяните мое слово, рано или поздно из них вырвется, но уже, по всей вероятности, со сломанными крыльями, так как политических векселей и социальных исполнительных листов написал на себя кучу. Покойник Алексей Сергеевич <Суворин. — А. А.> пожалел бы способного человека и не дал бы ему так зарываться, уготовляя себя в литературные арестантские роты, а нынешним — все равно: поддавай жару! Чем горячее, тем лучше! Ну он и поддает и скоро станет таким же нарицательным именем, как Меньшиков, Розанов, Колышко.³¹ Не могу я без скорби видеть, как гибнет молодой талант, кто бы он ни был, где бы ни находился. За что, например, пропал Юрий Беляев?³² А какие задатки были!..

Боюсь, чтобы всего, что я написал в этой длинной рапее, Вы не поняли в смысле проповеди литературного черта, который, состарившись, задумал идти в монахи и готовить к этому благочестивому положению и себя самого, и других. Нет, видите ли, старый черт не имеет ни малейшей потребности менять свою натуру и маскировать честные речи и хвост ханжескою рясой — он только желает извещать общества и тактики мелкого беса с еще мельчайшими бесенятами, коих практика умножилась за последнее десятилетие до колоссальных размеров, но оказалась решительно ни на что не способной, кроме покрытия России литературными нечистотами. Мы не обрежем ни одного свободного побега, не затянем в корсет ни одной свежей и сильной мысли, ничего не засушим, никого не замаринуем, мы будем живы, веселы, бойки, смелы и — всецело с искренними мытарями, а не с великолепными фарисеями предвзятых теорий и обрядов. То, что я изложил вам, является лишь плодом долгих наблюдений над русской печатью, которые иногда издали делать удобнее, чем находясь в самом ее кипении. Эти «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы»³³ явили мне много наслонившихся литературных бед, которых необходимо избежать, вступая в большое публицистическое предприятие, да и, вообще, расчастить от них атмосферу, потому что при наличности их свободное слово начинает задыхаться уже не от внешних тисков, а от собственной астмы или водянки. Уверен, что и Ваш взгляд таков же. В предприятие Протопопова я вошел не потому, что мне предложили хорошие литературные условия: я и без того был прекрасно обеспечен в «Р<усском> сл<ове>», где труд мой ценили высоко, а легок был до скуки. А если Сытин в самом деле ухитрится, как грозит, отплатить за мой уход разрывом соглашения с Илларией Владимировной о приложении моих сочинений к «Ниве»,³⁴ то мой союз с Протопоповым принесет мне колоссальную потерю и окажется весьма в убыток. Но меня взманила возможность создать большое и хорошее публицистическое дело, с широкой и внимательной аудиторией, которой мне недостает 15 лет. До тех пор, пока эта возможность будет осуществляться в условиях независимой и чистой работы, меня не испугают никакие клеветы и нападки ни на газету, ни на ее капитал, ни на ее сотрудников, ни на меня самого (ах, какой только ругани я не жду) — хотя бы против нас выступили не только что Клячки с Гессенами, ни даже Горький с Куроленкой, но хоть сам Лев Николаевич <Толстой. — А. А.>

выползет из могилы. Сейчас русскому писателю есть, что беречь и за что бороться — поважнее партийных кодексов и сектантского чистоплюйства. И есть точки, стоя на которых, весьма можно и должно сказать всем этим скорострельным ругателям: де-вушки и дядюшки! не свались бы вы в дело, которого не смыслите, потому что оно ушло слишком вперед от привычного вам равнения и бежит рысью там, где вы привыкли двигаться шагом.

Ну вот покуда на сем поставлю точку, извиняюсь, что заморил Вас чтением чудовищно длинного письма. До свидания — желаю, чтобы, по возможности, скорейшего. Желаю Вам всего хорошего.

Ваш А. Амфитеатров.

P. s.

Прилагаю письмо, полученное от римского корреспондента В. И. Фомина. Прошлые 300 лир я ему послал, равно как ранее 100 лир на проезд его из San Remo в Levanto и Милан для переговоров. Имея, значит, за конторой 400 лир.

¹ Итоговое название газеты было предложено Амфитеатровым. Рассматривались другие варианты названия: «Эпоха», «Заря» и даже «Народная воля» (см.: *Майер Л.* «Русская воля» и «Луч». С. 37).

² Официальными издателями газеты были ректор Петроградского университета Эрвин Давидович Гримм (1870–1918) и член Центрального комитета кадетской партии, проф. Николай Андреевич Гредескул (1865–1941). Упомянутый критик и литературовед Сергей Александрович Адрианов (1871–1941) был членом редакции.

³ Амфитеатров намекает на Пророка Даниила (Дан. 6: 16). Упомянут сын Амфитеатрова — Даниил Александрович Амфитеатров (1901–1983), композитор и дирижер, эмигрировал из России в 1921 году, руководил крупными симфоническими оркестрами в Италии и США.

⁴ В 1878–1917 годах Карс — центр Карсской области Российской империи (ныне принадлежит Турции).

⁵ Задолго до выхода первого номера газеты, в период информационной кампании в поддержку будущего издания, начинание сопровождалось скандалами. Самый громкий из них произошел примерно в момент написания письма Амфитеатрова и был связан с выходом из предприятя крупных банков: «Первоначальное соглашение об отпуске средств на газету подписано было представителями десяти больших банковских объединений, но слухи, проникшие в августе 1916 г. в печать о секретном свидании А. Д. Протопопова в Стокгольме с д-ром Варбургом, известным гамбургским банкиром и советником германского посольства в Швеции, вызвали некоторое охлаждение к новому издательскому начинанию в торгово-промышленных кругах, связанных с англо-французским капиталом, в результате чего опекунами будущей „Русской воли“ к осени 1916 г. явились лишь три мощных финансовых комбината — банки: Международный коммерческий, Русский для внешней торговли и С.-Петербургский учетный. Эти банки, контролируя 43 крупнейших предприятия русской горнозаводской, металлообрабатывающей и электрической промышленности, издавна и прочно связаны были с германским капиталом, чем и обусловлен был их известный контакт с деятелями правых организаций и придворно-помещичьих верхов так называемой немецкой ориентации» (*Оксман Ю. Г.* «Русская воля», банки и буржуазная литература. С. 171–172).

⁶ Амфитеатров точно подмечает специфику редакционной политики «Биржевых ведомостей» в 1914–1915 годах. В этот период в издании сотрудничали ведущие публицисты, прозаики, поэты и философы начала XX века. Добиться их участия удалось в том числе за счет высоких гонораров.

⁷ «Летопись» — ежемесячный литературный, научный и политический журнал, издавался в Петрограде в 1915–1917 годах. Одним из основателей журнала был Максим Горький; издатель — А. Н. Тихонов. Подробнее см.: *Коростелев С. Г.* Журнал «Летопись» (1915–1917) и газета «Новая жизнь» (1917–1918) в историко-культурном контексте. СПб., 2015.

⁸ Речь идет о несохранившейся телеграмме от 21 июля 1916 года (датируется по ответному письму от 22 июля 1916 года). Ответ на нее Амфитеатрова см.: Переписка [М. Горького] с А. В. Амфитеатровым. С. 456.

⁹ См. об этом во вступ. статье.

¹⁰ Боголепов Михаил Иванович (1879–1945) — ординарный профессор (1911), руководил экономическим отделом газеты.

¹¹ Осоргин Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин, 1878–1942) — прозаик, журналист. С 1906 по июль 1916 года — в эмиграции; после возвращения в Россию сотрудничал в газете «Русские ведомости».

¹² Иванов Николай — хроникер газеты «Киевская мысль».

¹³ Князев Василий Васильевич (1887–1937) — поэт-сатирик, журналист, сотрудник юмористических журналов начала XX века. Принял участие в «Русской воле» с первого номера, опубликовал здесь сатирические стихотворения. См., например: «Современные пословицы» и «Кошмар большого города» в рубрике «Маленький фельетон» (Русская воля. 1916. 15 дек. № 1. С. 5).

¹⁴ О какой заметке идет речь, установить не удалось.

¹⁵ «О любви к отечеству и народной гордости» — название статьи Н. М. Карамзина (1802). По-видимому, этим сообщением Амфитеатров стремился придать особый вес своему участию в «Русской воле» и своим организаторским способностям (именно на него была возложена миссия привлечь к газете Плеханова и сотрудников парижского еженедельника «Призыв»). Говоря о сотрудничестве Плеханова как о решенном вопросе, Амфитеатров блефовал: на протяжении нескольких месяцев он вел переговоры с Плехановым, но так и не достиг успеха. Об участии в новой газете шло также обсуждение с группой публицистов парижского журнала «Призыв», членом которого был Плеханов. Ряд сотрудников согласился работать с «Русской волей»: например, ведущий публицист Г. А. Алексинский (об этом см. письма Плеханова к Алексинскому: *Baron Samuel H. Plekhanov in War and Revolution, 1914–17 // International Review of Social History*. 1981. Vol. 26. Part 3. P. 354–362). Из-за этого в редакции «Призыва» наметился раскол: без ведома Плеханова Алексинский направил в «Русскую волю» его статью «Стоны Бельгии» (опубл.: Русская воля. 1917. 5 янв. № 4. С. 2–3) с уведомлением: «Статья Г. В. Плеханова, предназначенная для № 56 „Призыва“, доставлена нам Г. А. Алексинским в корректурных оттисках для напечатания» (Там же. С. 2). Одновременно статья вышла в парижском еженедельнике: *Плеханов Г. В. Стоны Бельгии, логика Циммервальда и рабочий Интернационал // Призыв*. 1916. № 56 (16 декабря). С. 1–4. Подробнее об этом см.: *Беляевский А. Д. Г. В. Плеханов, «Призыв» и газета «Русская воля» // Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. 1967. Сер. историческая. Вып. 85. С. 34–43*. По поводу этого инцидента Т. И. Филимонова, публикатор переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова, справедливо отметила: «Характер всех предшествующих этому инциденту и последовавших за ним телеграмм, отправленных Плеханову Амфитеатровым, Адриановым, Леонидом Андреевым, не позволяет заподозрить их в попытках превратить участие Плеханова в газете в прикрытие ее „проправительственной“ направленности или, тем более, „шантажировать его“» («Необходимо противопоставить революционной фразеологии революционное мировоззрение...»: Из переписки А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914–1918 гг. / Публ. Т. И. Филимоновой // Исторический архив. 1998. № 3. С. 151).

¹⁶ «Призыв» — еженедельный русский журнал, орган группы социалистов, выходил в Париже (1915–1917). Руководителями были Н. Д. Авксентьев, Г. А. Алексинский, Г. В. Плеханов. См. прим. 15.

¹⁷ Бенелли Сем (1877–1949) — итальянский поэт и публицист. Принял участие в «Русской воле» с первых номеров, см. его дебютную публикацию: *Бенелли С. Родина / Пер. с рукописи // Русская воля*. 1916. 19 дек. № 5. С. 3.

¹⁸ Масарик Томаш (1850–1937) — политический деятель, социолог и философ; первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935). Масарик принял участие в газете, см.: *Масарик Т. Delenda est Austria! / Пер. с рукописи // Там же*. 22 дек. № 8. С. 2–3. («С Австрией надо покончить!» — лат.).

¹⁹ «Il Giornale d'Italia» — итальянская ежедневная газета, выходила в Риме. Основана в 1901 году влиятельными либеральными политиками Сиднеем Соннино и Антонио Саландра. Амфитеатров имел прочные связи с редакцией этого издания, был посредником между итальянским печатным органом и редакцией «Русской воли». Упомянутый В. И. Фомин, вероятно, европейский корреспондент «Русской воли», отвечавший за сбор международных телеграмм, предназначенных для публикации в газете.

²⁰ Упомянуты журналисты, принявшие участие в кампании по дискредитации «Русской воли»: Иосиф Владимирович Гессен (1865–1943), юрист и публицист, соредaktor (с П. Н. Милюковым) газеты «Речь»; Лев Моисеевич Клячко (1873–1933), журналист; Андрей Ренников (наст. имя Андрей Митрофанович Селитренников; 1882–1957), журналист, редактор.

²¹ Стембо Александр Лазаревич (1879–1917) — журналист, сотрудник «Биржевых ведомостей», «Русского слова» и др. столичных газет.

²² Рубинштейн Дмитрий Леонович (1876–1937) — банкир, приближенный Распутина. Был арестован в июле 1916 года и обвинен в государственной измене. В газете «Русское слово» сообщалось: «Сегодня арестованы в Петрограде председатель правления Русско-французского коммерческого банка Д. Л. Рубинштейн, его братья Алексей и Аполлон Рубинштейны, присяжный поверенный А. В. Вольфсон, А. Л. Стембо, два брата Юнкера, директора правления коммерческого банка „И. В. Юнкер и К^о“, организатор сахарного синдиката Л. А. Бродский и друг <ие>. Всего было произведено 48 обысков, арестов же произведено свыше 10-ти. О причинах ареста в освещенных кругах передают следующее: до сведения правительства дошло, что Рубинштейн и другие близкие к нему лица через посредство подставных лиц скупали на берлинской бирже

русские ценные бумаги и затем продавали их на парижской и лондонской биржах. Другой группе арестованных предъявлено обвинение в злостной спекуляции разными продуктами продовольствия, причем спекуляция эта производилась на немецкие деньги» (Арест Д. Л. Рубинштейна // Русское слово. 1916. 10 июля. № 159. С. 5 (без подп.)).

²³ Подразумеваются педагоги-словесники Ф. А. Гиляров (1841–1895) и А. И. Кирпичников (1845–1903), составители «Русской хрестоматии для младших классов гимназий» (М., 1869).

²⁴ Речь идет о газете «Россия», редактором которой Амфитеатров был до ноября 1901 года. Издание было закрыто за публикацию 13 января 1902 года фельетона Амфитеатрова «Господа Обмановы», направленного против царствующей семьи и императора Николая II. Подробнее об этом см.: Букчин С. Взлет и крах газеты «Россия» // Букчин С. Влас Дорошевич: Судьба фельетониста. М., 2010. С. 314–382. См. также прим. 25.

²⁵ Подробнее об этом см.: Амфитеатров А. В. «Господа Обмановы»: История романа и ссылки // Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. С. 101–103.

²⁶ Сазонов Георгий Петрович (1857–1934) — журналист, редактор газеты «Россия», сменил на этом посту Амфитеатрова.

²⁷ См. прим. 24. Здесь Амфитеатров указывает дату написания фельетона, ср.: «Первая глава романа осталась и последнею. Написана она была в субботу 12 января, на скорую руку, к очередному воскресному фельетону» (см.: Там же. С. 94).

²⁸ Дорошевич Власий Михайлович (1865–1922) — журналист, фельетонист. О его участии в газете «Россия» см.: Букчин С. Взлет и крах газеты «Россия». С. 314–382.

²⁹ Речь идет о громком судебном процессе: братья С. Л. и П. Л. Скитские были несправедливо обвинены в убийстве секретаря Полтавской консистории Комарова. Дорошевич посвятил этому делу серию репортажей и выступил за пересмотр дела. В итоге подсудимые были оправданы.

³⁰ См. прим. 20.

³¹ Перечислены публицисты правых изданий, «нововременцы» Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918), Василий Васильевич Розанов (1856–1919), а также Иосиф Иосифович Колышко (1861–1938), сотрудник газеты «Гражданин».

³² Беляев Юрий Дмитриевич (1876–1917) — журналист, театральный критик, прозаик и драматург.

³³ Искаженная цитата из вступления к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

³⁴ Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) — предприниматель, книгоиздатель. В 1916 году Сытин купил права на издание еженедельника «Нива» у фирмы А. Ф. Маркса. По-видимому, речь идет о проекте издания собрания сочинений Амфитеатрова в качестве приложения к журналу «Нива», который не был осуществлен. Упомянута Иллариya Владимировна Амфитеатрова (урожд. Соколова; 1875–1949), супруга Амфитеатрова, переводчица, автор воспоминаний.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-3-178-195

© А. Д. Савина, © Я. Д. Чечнёв

ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ А. А. БЛОКА ВО «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» 26 АВГУСТА 1921 ГОДА*

Смерть Блока 7 августа 1921 года стала потрясением для всего литературного мира России и русского зарубежья. Уже современниками кончина автора «Стихов о Прекрасной Даме» и «Двенадцати» воспринималась не только как личная утрата, уход любимого поэта, но как завершение «целой духовной и исторической эпохи».¹

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 21-18-00494: «История издательства „Всемирная литература“ в документах: судьбы творческой интеллигенции России в постреволюционном пространстве сквозь призму издательского проекта Максима Горького».

¹ Лавров А. В. «Романтика поминовения». Андрей Белый о Блоке // Андрей Белый о Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / [Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова]. М., 1997. С. 14.